

Мы прекрасную жизнь прожили. Голод, нужда — и веселье было. Нам есть что вспомнить.

Нам не страшно, мы пережили все. Жизнь меняется, и люди приспособляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова С. М. Литературные слова в современном говоре // Речевая норма и диалект. Тюмень, 1989. Деп. в ИНИОН № 39806 от 18.10.89. С. 103–107.
2. Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–122.
3. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
4. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999.
5. Попов И. А. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей // Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984. С. 116–124.
6. Романова М. А. Изменения в системе предупредного вокализма occurring говоров юга Тюменской области // Экология культуры и образования: филология, философия, история. Тюмень, 1997. С. 114–118.
7. Романова М. А. Как могло возникнуть аканье в русских говорах Северного Зауралья? // Славянские духовные ценности на рубеже веков. Тюмень, 2001. С. 139–145.
8. Филин Ф. П. Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. М.; Л., 1949.
9. Чагишева В. И. Фразеологизмы и другие устойчивые сочетания в речи одного лица // Вопросы русской диалектологии. Л., 1976. С. 117–120.

СОКРАЩЕНИЯ

- Медв. — с. Медведево Голышмановского р-на
 Ощ. — с. Ощепково Абатского р-на
 Пел. — с. Пелевино Сладковского р-на
 Сор. — с. Сорокино Ярковского р-на
 Ус. — с. Усово Сладковского р-на
 Юрг. — с. Юргинское Юргинского р-на

Наталья Владимовна Лабунец

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Создание новых диалектных словарей русского языка остается актуальной проблемой, особенно для тех территорий, которые не были предметом специальных лексикографических описаний. К числу таких регионов принадлежит Тюменская область. В статье обосновываются цель и задачи словаря народных географических терминов юга Тюменской области, приводятся словарные материалы.

Современный этап развития русского языка характеризуется широким воздействием средств массовой информации на языковое сознание диалектоносителей, что неминуемо ведет к глубинным изменениям в структуре говора. Но территориальные диалекты, считают ученые, не умирают, трансформируясь в особые новые формы разговорной речи, в которой утрачиваются многие архаичные черты и развиваются новые особенности [Диалектная лексикология 1999: 3]. В связи с этим актуальными становятся исследования, опирающиеся на материал, собранный в полевых условиях в 50–80-е гг. XX в. В насто-

ящее время особую роль приобретает региональная лексикография: диалектные словари, сохраняя уже утраченные элементы живой речи, «обогащают национальный духовный потенциал, общий культурный фонд народа» [Караулов 1988: 5].

Как известно, диалектные словари, во-первых, составляют базу для синхронического и диахронического изучения лексики, во-вторых, «обобщая и приумножая языковое, а значит, и ментальное богатство, дают четкость ... слову, ясность в вопросах происхождения языка и народа, отражают многообразие народного литературно-речевого творчества» [Богатова 1998: 118].

Современная парадигма лингвистического знания рассматривает язык как своеобразный код, где «зашифрована» информация о самом человеке, его воззрениях на природу, на мир. В этом смысле когнитивные функции диалектного словаря в структуре региональной культуры очевидны, ибо сам «толковый словарь — это целый мир в алфавитном порядке».

Проблема «словарь и культура» в последнее время получает особое звучание, так как именно словарь содержит в сжатом виде язык, а следовательно, концентрированное выражение народного опыта и сознания: «Словарь как книга, где на первый план выдвигается слово, множество слов, определенным образом между собой связанных и соответственно отражающих взаимосвязь фрагментов реальной ... действительности, имеет культурологическую ценность, прежде всего в гносеологическом аспекте» [Плотникова 200: 5].

В сложившейся духовной ситуации рубежа тысячелетий выживание нации, отмечают многие ученые, зависит от того, какое место отводится культурной политике, системе жизнеобеспечения языка, средствам его развития и изучения, в первую очередь национальной словарной службе. Словари аккумулируют национальную память народа, являясь своеобразным барьером на пути развеяния национальных духовных ценностей [Богатова 1998: 119]. О значимости толковых словарей русского языка в понимании и раскрытии русского духа, национального русского характера свидетельствуют мероприятия последних лет общенационального масштаба, например Второй Вселенский собор, на котором была организована «Державная служба словарей», а также государственная Программа «Историческая память России», разрабатываемая Институтом русского языка на основе лексикографической практики в создании различных словарей национального русского языка.

В аспекте региональной культуры диалектный словарь представляет особый интерес, так как именно диалектный словарь отражает истоки национального самосознания русского сибирского крестьянина. Диалектный словарь не просто свидетельствует о наличии или отсутствии той или иной реалии: определенным образом связанные между собой слова отражают мировидение русского сибирского крестьянина, а значит, фрагменты языковой картины русского мира.

Региональная лексикография позволяет увидеть специфику диалектного слова, его связи с общерусским фондом, с местными языками и диалектами. Незавершенность целого ряда проблем не только лингвистического, но и этнокультурологического характера исследователи объясняют отсутствием диалектных словарей различных регионов.

Территория юга Тюменской области издавна привлекала внимание исследователей. Уже в XVIII вв. в работах географов, этнографов, историков, например Г. Ф. Миллера, Нижнее Прииртышье представлено многочисленными описаниями, в составе которых встречается диалектная лексика и топонимия. В первой половине XIX язык русских крестьян исследуемого региона фиксируется уже лексикографическими изданиями, правда, небольшими по объему. В архиве Академии наук хранятся ответы на вопросы, составленные акад. А. А. Шахматовым, о специфике русских диалектов юга Тобольской губернии. Эти и многие другие факты дали основания Г. С. Виноградову и П. Я. Черных в начале XX в. утверж-

дать, что Тобольская губерния (в границах Тюменской области) относится к числу наиболее изученных в диалектологическом отношении сибирских регионов [Виноградов, Черных 1924]. Однако обобщающих лексикографических исследований русских говоров Тюменской области до настоящего времени нет, хотя работа по созданию диалектного словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области кафедрой общего языкознания Тюменского госуниверситета была начата полвека назад. Несмотря на продолжающуюся работу по созданию областного словаря, на фоне сопредельных сибирских и уральских регионов, где уже созданы многочисленные диалектные словари разных типов, Тюменская область выглядит «белым пятном» на диалектной карте России. Это, по-видимому, и дало основание составителям «Словаря русских говоров Сибири» в конце XX в. отнести Тюменскую область к числу мало и даже совершенно не изученных в диалектном отношении регионов.

С категоричной оценкой состояния изученности русских говоров Тюменской области нельзя согласиться: на кафедре общего языкознания Тюменского университета за истекшие пятьдесят лет собран уникальный лексический материал, отражающий практически все сферы крестьянского быта. Но в лексикографической практике этот материал, действительно, не нашел отражения, поэтому он не стал известен широкому кругу исследователей.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что лексикографическое описание русских говоров Тюменской области является важнейшей задачей, решение которой имеет первостепенную значимость не только для диалектологии, лексикологии, топонимии, но и истории духовной культуры русского народа. Однако создание Словаря русских говоров Тюменской области — многоаспектная проблема, успешное ее разрешение зависит от последовательного описания отдельных групп слов, прежде всего терминологических, в их ареальном функционировании. Такой путь дает возможность зафиксировать специфически диалектные лексемы, предотвратив тем самым их утрату [Матвеев 1995: 50].

Диалектные терминологические словари, описывая определенный денотативный класс, дают возможность более полно представить функционально-семантическое поле той или иной лексической группы, уточнить оттенки значения слова, его ареальное варьирование.

Среди терминологической лексики выделяется класс народных географических терминов, связанность которых с топонимией обуславливает их сохранность в сфере живой разговорной речи. Народные географические термины, функционирующие в русских говорах юга Тюменской области, относятся к числу концептуально и национально значимых слов русского языка. Этнокультурный потенциал географической лексики огромен: в ней отразился опыт освоения сибирского пространства, менталитет сибирского крестьянина.

Севернорусы, потомки древних новгородцев, осваивая Сибирь в конце XVI—начале XVII вв., столкнулись с огромной территорией, занятой многочисленными племенами, зачастую враждебно настроенными. Тюмень и Тобольск, первые сибирские города, стали форпостом Российского государства на востоке. Здесь, в низовьях Иртыша, появлялся первый опыт освоения и обустройства сибирской земли. Продвигаясь на восток, крестьяне несли накопленный опыт дальше. Таким образом, юг Тюменской области становился связующим звеном между Европейской и Азиатской Россией. Именно здесь происходило «расширение» русского менталитета в связи с проявлением специфического сибирского опыта: в конце XVI—начале XVII вв. территория Нижнего Прииртышья оказалась крайневосточной границей всего славянского мира. Освоение новых территорий, контакты с северными, ранее не известными, народами способствовали появлению в картине русского мира новых фрагментов, отражающих специфику восприятия нового ландшафтного пространства.

Уникальность «сибирского» феномена более всего отразилась в географической лексике и топонимии. Назрела настоятельная необходимость издания Словаря географических терминов юга Тюменской области, который позволил бы описать, а, значит, сохранить для последующих поколений образ русского крестьянина, покорившего в кратчайшие сроки огромные сибирские просторы.

Создание Словаря народных географических терминов юга Тюменской области является актуальной проблемой, так как «областной словарь как памятник духовной культуры должен быть аспектным словарем, отражающим разные стороны жизни русского селянина... главным, определяющим станет тематический принцип» [Блинова 1993: 6].

Аспектуализация лексикографических исследований предопределила и принципы отбора лексического материала для Словаря народных географических терминов юга Тюменской области.

Предметом данного описания стала географическая лексика русских говоров юга Тюменской области, имеющая соответствующую диалектную окраску, поэтому основной лексический корпус словаря представлен только диалектными географическими лексемами, имеющими как широкое, так и узкое распространение.

Источниковую базу Словаря составили следующие компоненты: 1) Иртышская картотека Уральского университета; 2) лексическая картотека Тюменского университета; 3) собственные полевые наблюдения автора; 4) письменные источники, фиксирующие живую диалектную речь второй половины XX в.

Источником лексикографического описания стали полевые материалы, зафиксированные на территории 22 южных районов Тюменской области начиная с 1951 г. По своему объему, глубине трактовки семантической стороны слова, его хронологической интерпретации используемые нами источники различны [подробнее см.: Лабунец 2000].

В хронологическом отношении основной объем географической лексики, содержащейся во всех четырех источниках, соотносится с периодом 50–80 гг. XX в., когда промышленное освоение региона было не столь интенсивным, поэтому уклад крестьянской жизни был приближен к природе и лексика природы фиксировалась методом непосредственного наблюдения. В современных условиях наблюдается стирание диалектных различий, утрата целых лексических пластов, поэтому использование в лексикографической практике накопленного ранее материала, содержащего архаические элементы, особенно значимо. Подчеркнем, что, несмотря на свою уникальность, основная часть используемого нами диалектного материала до сих пор исследователями не рассматривалась.

С позиций лингвистической географии диалектный материал, собранный в 22 районах, в источниках представлен неравнозначно: 1) Иртышская картотека УрГУ фиксирует в основном географические термины на севере региона, в том числе и на северо-западе, а также в центральной его части, охватывая 11 районов; 2) в лексической картотеке ТюмГУ представлены географические термины всех 22 районов, хотя преобладает лексика северной, центральной и юго-западной зоны, лексика юго-восточной зоны (бывшего Ишимского уезда) представлена в меньшем объеме; 3) собственные наблюдения автора проводились на территории 15 районов: в основном — в центральной части региона, а также в северной и южной его зонах; 4) письменные источники различны по своему содержанию, но наиболее значительный по объему и степени представленности материала Словарь русских говоров Среднего Урала отражает лексику юго-западной части региона (4 района). Другие письменные материалы (лексикографические, а также статьи, монографии, дипломные работы студентов 1977–2000 гг. и др.) спорадически отражают географическую лексику всего региона. Таким образом, наибольшая часть народных географических терминов, исследуемых нами,

соотносится с северной, центральной и юго-западной зонами региона (нижнее течение р. Иртыша, низовья р. Демьянки, р. Тобола, Туры, Тавды, Вагая) — так называемая Тобольская провинция, которая традиционно считается территорией первоначального (с конца XVI в.) заселения русскими Сибири. Именно здесь на севернорусской основе в течение XV–XVIII вв. формировались русские старожильческие говоры, отразившие взаимодействие с коренными языками и диалектами — тюркскими и обско-угорскими.

Соотнесенность с определенными типами объектов физической географии — особый тип коммуникации, в котором реализуются рассматриваемые лексемы, ограниченная сфера их употребления придает описываемой тематической группе терминологический характер, что и обусловило включение в словник только имен существительных, а также немногочисленных терминологизированных словосочетаний «прилагательное + существительное».

В качестве примера приведем несколько словарных статей.

БАЕРА́К. (БАЙРА́К, БАРАЯ́К, БАЯРА́К, БОЕРА́К, ЕБОРА́К, ЯБОРА́К). 1. Овраг с неровными обрывистыми склонами, по дну которого (хотя бы весной) протекает ручей. Каз., Тоб., Тюм., Ув., Ярк. *Он же обрывистый, баерак, а лог есть лог, баярак*

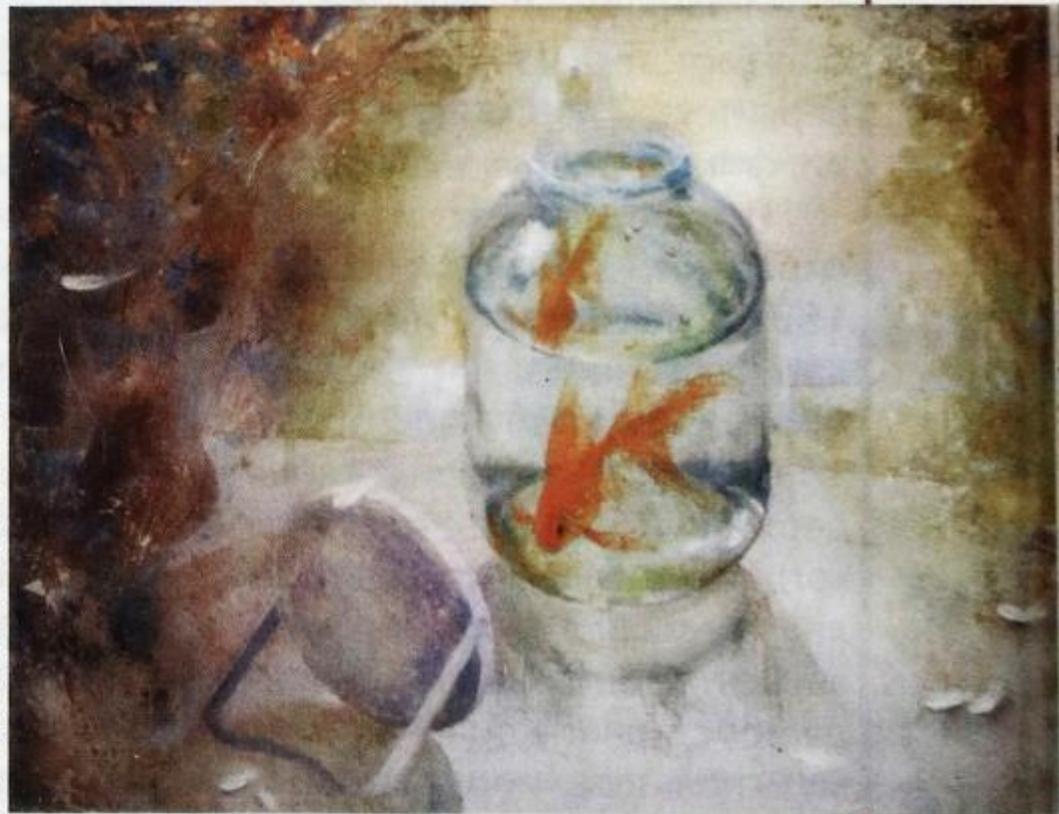
звали — там вылезти нельзя, крутой такой. М.-Шест. Тоб. Лог — пологий, отлогие берега, а баярак — как стена отвесна, внизу кустарник растет. Афн. Каз. Баераком крутой лог называют. Л-Слнк. Ув. Если не осыпается, дак и баярака не будет. Дем. Ув. Как обрыв крутой, овраг, так, значит, и есь баярак. Трош. Ув. Овраги дак и шшас бараяками зовут. Г-Слнк. Ув. Баярак — это место под вид ручья и с водой. Баерак — это де низина и вода. Шлм. Ув. А сын у ей в боерак увалился на машине, недавно похороны были. Клк. Тюм. Там по баяракам вода стекат. М-Куг. Тоб. За ягодам, за груздям пойдешь, ручейки перепрыгивашь, ебораки перелазидь.

Еборак и сухой бывает: туда горка, сюда горка, там уж воды нету-ка. Весной бывает, конечно, а так нету. Иск. Ярк. Ябораки — кака-нибудь копь, вот и яборак: то на горку подымасься, то в низе. Щетк., Ярк. {Баерак — это такой овраг узкий Шап. Тоб. (Кошкарева III: 57) Н-Тавд. СРГСУ Доп.: 147}.

2. Глубокий ручей, речка, текущая по дну оврага. Ваг., Тоб., Ув., Ярк. *А ручейна — тоже баярак. Шлм. Ув. Ручьи и зовут баяраками. Супр. Ваг. Та же рещка кака-нибудь, баерак или кулига, все одно. Крк. Тоб. Баярак — как рещка глубока, в его утонуть можно. Это рещка в реку проходит, рещка така, даже тонули в етим баяраке. Иск. Ярк.*

3. Рывина, канава на склоне горы, образующаяся во время таяния снега. Тоб., Ув. *Снег-от стает, а остаетца баерак, такой лог, овраг ли. Юр. Ув. Баярак — когда омут весной, паводок, вода течет с гор, выроет, как лог, называется баярак. Усл. Тоб. Баярак — водой промыло, а потом высохло, кувет по-фронтному. М. Яр. Ув. Ручей бежит и ямку выроет, вот и боерак. Б-Яр. Ув. Вода с горы бежала, ямку сделала — боерак. Г-Слнк. Ув. Баярак когда называют — ручей размоеет де. Сол. Ув. Байрак — ручеек размоеет, когда под гору идет. Овс. Тоб.*

4. Крутой обрывистый склон горы, берег реки. Тоб., Ув., Юрг. *Баярак все равно как обрыв, с горы де-то, к реке ли. Сол. Ув. Круты берега и есь боерак. Баб. Тоб.*

А. П. ЕРЯКОВ. РЫБА

Круто место у речки кто обрыв, кто баярак говорит. Дегт. Юрг. . Баярак — небольшая гора, а в ей с той и с другой стороны как ямина, баярак и называют. Кор. Тоб. Баярак — крутое место, спускаешься под гору — с баярака идешь. Сав. Тоб.

5. Густой лес, растущий на гривах, увалах. Ув. Баярак — лес называется, то кедровник, то какой-то, отдельные гривы зовутца, так называютца леса. Ищ. Ув.

ГЫМЗА (ГЫМСА, КЫМЗА, КЫМСА). 1. Болото. Ув. Гымза — болото крепко, багульник там. Юр. Ув. Гымза — болото, у нас все говорят: и ханты, и русские. Гымза — топкое болото, у нас его мало. Дем. Ув. Гымза — болото, маленькой лесок на ем. М. Яр. Ув. Гымза — это болото худое называлось, бугры, лес худой, в гымзе сапоги начерпнешь. Б. Яр. Ув.

2. Зыбун на болоте, на берегу озера. Ув. Гымза — это у озер тако кочковато место, идешь — качатца, оно подымат, а станешь — проваливатца. Шил. Ув. Гымза — это зыбун и есь, пройти по гымзе нельзя. Сол. Ув. Зыбун, чистое место — гымза называтца, немножко леса там. Юров. Ув. На гымзу зайдешь, дак шататца все. Ищ. Ув.

3. Топкое место, трясина. Ув. Гымза — топко место, заросло мхом, протти нельзя. Сол. Ув. Гымза — само топко, вязко место, никто не ходит по ему, даже зверь. Шил. Ув. Гымза — самое топкое, непроходимое место, ну соснячок мелкой там. Луг. Суб.

4. Островок торфа, мха, находящийся на поверхности воды. Ув. Гымза — это кочки плавают, вроде как торф. Дем. Ув. Гымза — это на болоте толстой мох, толстомошник, он подыматца вместе с водой. Дем. Ув.

5. Кочковатое болото, большая кочка. Ув. Гымза — оно не болото, а кочковатое место, кочки осока на йих растет. Болотом не назовешь, на гымзе кедра растет, пихта, березник, рябина кода растет. Иван. Ув. Гымза на болоте, больша коцка. Там сосняк растет. Юр. Ув. Гымза — это остяки называют, под вид кочки она. Дем. Ув. Гымза-то все коцками. Алым. Ув. Пошла коцка на болоте — гымза. Гымзы-то не пройдешь. Л-Суб. Ув. Гымза не топкое место, а идти плохо, на ей не провалишься, но не пролезешь. Ищ. Ув. Кымса — это кочки, болото, в кочки забралась, до пояса. Осн. Ув. По-ранешному старики называли кымса. Род. Ув.

6. Бугор, поросший лесом. Ув. Чалпан — любой бугорок на ровном месте, а гымза — это на болоте большой бугор, на нем лес, под корнями — хода, там собаки даже за соболям бегают. Туг. Ув. Гымзы — огромные бугры в лесу. Кирс. Ув. По кымзе кедровник растет. Трош. Ув.

7. Краинная часть, кромка болота. Ув. Кымса — около такого большого леса, кымса — выход с болота, там и болото, кочки, лес некачественной. Уват.

8. Лесная тропинка. Ув. Гымса есь ешшо тропинка по болоту и бугры в лесине. К-Яр. Ув. Тропа, зверем протоптана, и есь кымза. Трош. Ув. Кымсу вели на визирку. Род. Ув.

ЖЕРДОВНИК. Молодой высокий прямоствольный лес. Ваг., Юрг. Дерево тако — жердям называтца, а лес-от — жердовник. Коллективизация прошла, остались полящещки, с трактором не проедешь, поля и стали заростать. Сначала лесинки тонки были, потом потолше, длинны, нижни-то ветки затеняютца, отмирают, а она вверху и тянетца, как жердь, опережат всех. Щас-от тихи революции прошли, дак снова жердовники растут. Шеп. Юрг. Тонкой молодой лесок — дак жердовник называют, одно время его много было, вырос — дак березой стал. Трош. Юрг.

Лексика природы занимает особое положение в системе русских говоров, народные географические термины позволяют судить не только о характере самих географических реалий, но и о духовной культуре русского крестьянства. Словарь народных географических терминов юга Тюменской области в систематизированном виде отражает опыт освоения сибирского пространства, что имеет первостепенное значение для этнокультурных исследований как регионального, так и общенационального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О. И. Некоторые итоги и перспективы диалектной лексикографии // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск, 1993. С. 4–10.
2. Богатова Г. А. Размышления после международного съезда русистов в Красноярске // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 115–122.
3. Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989.
4. Виноградов Г. С., Черных П. Я. О собирании материала для словаря русского старожилго населения Сибири. Опыт программы. Иркутск, 1924.
5. Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры. К 90-летию проф. В. И. Чагишевой. СПб., 1999.
6. Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С. 4–12.
7. Лабунец Н. В. Словарь народных географических терминов юга Тюменской области: источниковедческий аспект // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 183–190.
8. Матвеев А. К. «Словарь говоров Русского Севера» и некоторые вопросы диалектной лексикографии // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. № 4. С. 46–51.
9. Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.

СОКРАЩЕНИЯ

- Ваг. — Вагайский
 Каз. — Казанский
 Н-Тавд. — Нижнетавдинский
 Тоб. — Тобольский
 Тюм. — Тюменский
 Ув. — Уватский
 Юрг. — Юргинский
 Ярк. — Ярково

Леоид Анатолевич Варакин

АНАЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Новые слова могут создаваться по-разному. В одних случаях они производятся по моделям высокой продуктивности, например МЕЧТАТЕЛЬ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, СТРОИТЕЛЬ, ЧИТАТЕЛЬ и др. Это коррелятивный тип деривации. В других случаях производные слова образуются по дефиниционному типу. При этом дериват вбирает в себя значение мотивирующей конструкции, являющейся синтаксически организованной единицей. Так, ТОПОРНИК — это тот, чьим орудием труда является топор. Вне контекста значение слова не ясно.

Но существует еще один тип деривации — аналогический. Суть его состоит в том, что при словообразовании копируется готовый образец — реально существующее в языке слово. Модель, по которой построено это слово, наполняется новым лексическим материалом. Ср.: ДОМОВЛАДЕЛЕЦ — СОБАКОВЛАДЕЛЕЦ. В статье описываются существительные и прилагательные, образованные именно таким способом.

В лексической системе современного русского языка заметное место занимают номинативные единицы, образованные по аналогии. Эти дериваты имеют ряд особенностей, которые отличают их от иных типов производных. «При аналогическом словообразовании создание производного слова происходит при ориентации на существующий лексический образец», — отмечает Е. С. Кубрякова [Куб-